

Память о советском прошлом на постсоветском пространстве

*Ясинская Л. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Михайловский В. С., канд. полит. наук, доц.*

После распада СССР перед всеми республиками остро встал вопрос о преодолении не только идеологического, но и идентификационного вакуума: советская идентичность, базировавшаяся на советском идеологическом фундаменте, не представляла собой пригодный «строительный материал» для конструирования новых моделей идентичности. Таким образом, в условиях радикальных трансформационных изменений апеллирование к символическим и историческим нарративам, служившим основанием прежней, советской идентичности, автоматически бы означало возвращение к советской модели. На повестку дня вышла история досоветского периода, которая и стала базисом для формирования новых государственно-национальных идентичностей.

Однако наличие дискуссий относительно СССР и противоречий в интерпретациях не мешает активной инструментализации «советского» в рамках современных политических практик. В данном контексте можно согласиться с мнением белорусского историка Алексея Браточкина: «Советское прошлое становится основным символическим ресурсом для официальной политики памяти» [1].

В качестве примера может выступать российский официальный политический дискурс, для которого характерно регулярное транслирование символа Победы в Великой Отечественной войне. В рамках новогоднего обращения к народу (31.12.2019) президент Российской Федерации В. В. Путин в качестве центрального события наступающего нового года определил празднование 75-летия победы в Великой Отечественной войне. По мнению О. Ю. Малиновой, системное обращение к конструкту Победы уже стало «важной узловой точкой современной российской идентичности» [2, с. 178].

Однако обращение к советскому прошлому не всегда происходит в контексте преемственности или же его восприятия как исключительно позитивного. Для ряда постсоветских государств (Грузия, Украина и др.) характерно обращение к советскому как к периоду «имперского господства и национального угнетения», в рамках которого подчеркивается «беспрецедентность и уникальность страданий народа» [3, с. 116]. Инструментальное использование конструкта «тоталитарное коммунистическое прошлое» в интерпретации советского прошлого не стало политическим «изобретением» постсоветского периода: подобный подход к советскому опыту был разра-

ботан еще в 1950-е гг. в рамках концепции тоталитарного режима как одной из основных парадигм советологии. В то же время те социально значимые события советского периода, которые соответствуют целям и задачам национального строительства, обеспечивают внутреннюю и внешнюю легитимность государства, политическую мобилизацию и консолидацию социума, актуализируются и приобретают новое символическое значение в постсоветском политико-идеологическом пространстве [3, с. 116].

Итак, современное постсоветское пространство представляет собой множественность дефрагментированных коллективных памятей, которые не создают единого представления об историческом прошлом, а лишь усиливают дифференциацию и дистанцированность друг от друга. Политико-идеологическое пространство заполняется как новыми, так и прошлыми, интерпретируемыми в рамках современных политических реалий, идеалами, образами, мифами. Отсутствие механизма согласования некой единой версии советского прошлого создает неупорядоченную множественность памятей, усиливает ощущение неопределенности в восприятии советского прошлого. С одной стороны, данный факт можно рассматривать и в позитивном ключе: право на монопольное трактование советского прошлого неизбежно привело бы к искажению памяти о ряде исторических событий. Однако неразработанность общего представления о наследии СССР также не способствует избеганию искажений и вольных интерпретаций. Разобщенность постсоветских государств как «сообществ памяти» не позволяет выстраивать и необходимые политические и социально-экономические связи между собой. Отсутствие «соглашения относительно прошлого» выступает в качестве одного из факторов, который препятствует углублению и расширению взаимодействия постсоветских государств.

Литература

1. Браточкин, А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей» / А. Браточкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/20927>. – Дата доступа: 23.03.2020.
2. Малинова, О. Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: эволюция дискурса властвующей элиты / О. Ю. Малинова // Прошлый век : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – С. 158–186.
3. Ачкасов, В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций / В. А. Ачкасов // Социология и социальная антропология. – 2013. – № 1. – С. 106–123.